

Гермиона Грейнджер изо всех сил пыталась осознать все эмоции, которые она испытывала, когда услышала, как шаги ее лучшей подруги медленно исчезают. Она хотела пойти за ним, но знала, что он захочет какое-то время побыть один. Она поговорит с ним позже, когда ее собственные чувства успокоятся, но подозревала, что это может занять некоторое время, так как она переживала так много одновременно.

Сначала было недоверие к тому факту, что Гарри Поттеру пришлось жить в чулане под лестницей. Она все еще изо всех сил пыталась осознать этот факт. То, что с Гарри Поттером, истинным героем, пожертвовавшим стольким ради блага других, следует обращаться как с животным в клетке, было выше ее понимания.

Потом была вина. Она ничего не могла с собой поделать. Гарри был ее лучшим другом, но почему-то она не знала всей правды о его воспитании. Она знала, что Дурсли не особо приятные люди, и между ней, Роном и Гарри всегда существовало молчаливое понимание того, что жизнь на Тисовой улице неприятна, но она никогда не копала глубже. Никогда не спрашивал у подруги подробности. Хотя она знала, что Гарри, вероятно, не стал бы рассказывать об этих подробностях, в глубине души она знала, что это не имеет значения; она должна была форсировать этот вопрос, должна была заставить его открыться о том, что происходит в том доме. Вот почему она чувствовала себя виноватой.

Я должен был спросить! Я должен был знать!

Была и глубокая печаль. Грусть, что человек, которого она любила больше всех на свете, пережил такое детство. И она любила его больше всех. Теперь она это знала. Усвоил этот простой факт и смирился с последствиями. Когда она провела последние несколько недель вдаль от него после того, как рассталась с Роном, она провела много времени, размышляя о своих собственных действиях и чувствах, и пришла к осознанию простой истины, что ей место там, где Гарри хочет быть. Что она сыграет в его жизни любую роль, о которой он ее попросит. Это прозрение ничуть не беспокоило ее; на самом деле, она чувствовала умиротворение, когда размышляла об этой истине. Вот почему она была так глубоко опечалена, узнав об ужасах воспитания Гарри.

Она была в доме на Тисовой улице. Увидел видимость респектабельности, которую любили изображать Дурсли. Теперь она поняла, что это за фасад, и это разбило ей сердце, что Гарри Поттер, ее лучший друг, вырос одиноким и нелюбимым. Она бы заплакала, если бы не последняя эмоция, которую она испытывала.

Злость.

Она закрыла глаза и позволила ему течь внутри себя, чувствуя, как оно течет по ее венам. Внезапно неверия, вины и печали стало недостаточно, и она высвободила гнев. Она повернулась к директору и бросила древнюю книгу рекордов на стол перед собой.

'Вы знали об этом?' — спросила она без предисловия.

На мгновение Минерва МакГонагалл выглядела глубоко смущенной, но затем на ее лице появилось выражение покорности. — Не совсем, — мягко ответила она.

-- Не совсем ? Итак, вы знали? Вы знали, что его держат в шкафу, но ничего не сделали? Это ты написал ему письмо из Хогвартса, не так ли? Вы должны были знать! Как ты мог?'

Она встала и собралась выйти из офиса, но Минерва остановила ее.

«Мисс Грейнджер! Гермиона! Пожалуйста! Позвольте мне говорить. Позвольте мне объяснить, — закричала она, когда он вскочил к ней на ноги.

Гермиона остановилась и медленно повернулась к женщине, которую считала наставником и другом. Она увидела выражение боли, печали и вины на лице директрисы и решила дать своему любимому профессору презумпцию невиновности. Она медленно вернулась на свое место и села с вопросительным выражением лица. Минерва с благодарностью кивнула и заняла свое место. Несколько мгновений они сидели молча.

— Я была там в ту ночь, когда профессор Дамблдор оставил Гарри на Тисовой улице, — тихо начала она. — По правде говоря, я был там весь день. Альбус сообщил мне о своем намерении поместить Гарри к своим родственникам, поэтому я решил пойти и понаблюдать за ними, чтобы узнать, что они за люди». Ее глаза ожесточились, прежде чем она продолжила.

«Я превратился в свою форму анимага и весь день шпионил за ними. Когда Альбус, наконец, прибыл на Тисовую улицу, я сказала ему, что Дурсли — худшие люди, которых только можно себе представить. Я настоятельно не советую оставлять Гарри с ними. Она остановилась на мгновение. «Я сказал Альбусу, что любое количество волшебных семей были бы горды принять его. Я бы сделал это сам, если бы потребовалось, и я был бы рад сделать это».

— Так почему же вы этого не сделали? — спросила Гермиона.

«Потому что Альбус заверил меня, что будет лучше, если Гарри останется со своими родственниками. Он убедил меня, что для Гарри будет лучше расти вдали от внимания и славы, которые обязательно обрушатся на него, и я позволил себе поверить ему».

— И это было? Альбус Дамблдор сказал, что все в порядке, и это все, что вам нужно, чтобы бросить Гарри этим монстрам?

Лицо Минервы ожесточилось. 'Нет; это было не «это», Гермиона. Я часто спрашивал Альбуса о благополучии Гарри на протяжении многих лет, и он уверял меня, что с Гарри все в порядке и что за ним постоянно наблюдают. Я понятия не имел о реальности его положения. Я, конечно, не знал, что его запирают в шкафу! Альбус сказал, что с ним все в порядке.

— И вы ему поверили? Недоверие Гермионы было очевидным.

— Конечно, я ему поверил. Она подняла руку, удерживая Гермиону от ответа. — Могу я спросить тебя кое о чем, Гермиона? Могу я спросить вас, что бы вы сделали, если бы в подобной ситуации мистер Поттер дал вам слово, что все в порядке? Вы бы ему поверили?

— Да, я бы ему поверил! Конечно я буду! Но Гарри никогда бы не стал мне так лгать! — воскликнула Гермиона.

— Вот что я когда-то думала об Альбусе, дорогой, — грустно ответила Минерва. «Я бы не поверил, что он способен солгать мне, но он это сделал. Он делал это годами. Чтобы произошло предательство, сначала должно быть доверие, которое нужно разрушить. Я доверял директору во многих вещах и был прав. Но я ошибался в этом, и к моему вечному позору я позволил себе принять утешительную ложь вместо того, чтобы отправиться на поиски суровой правды. Думаю, я позволила себе поверить Альбусу, потому что боялась альтернативы. По своей глупости я позволил Альбусу взять на себя полную ответственность за благополучие Гарри. Я позволил ему оставить Гарри в среде, где его не любили и не хотели и где с ним ужасно обращались. За мое бездействие; моя наивность, я заслуживаю твоего гнева, Гермиона. Твое и Гарри.

Это откровение заставило Гермиону похолодеть. Как бы ей ни хотелось злиться на Минерву, она знала, что в равной степени виновата в том, что не хочет узнать суровую правду о воспитании Гарри. Она всегда осознавала, что это неприятно, но никогда не настаивая на деталях, она позволяла себе утешаться тем, что не знала истинных фактов.

Теперь все кончено, сказала она себе. Между нами не будет секретов!

— А когда он был в Хогвартсе? Вы все еще верите директору? — наконец спросила она.

'Я сделал. Альбус рассказал мне о защите Лили и заверил меня, что — хотя это и не идеально — Гарри здоров и здоров. Я позволил себя обмануть. Я делал то, что было легко, а не то, что было правильно. Я никогда себе этого не прощу, — добавила Минерва.

Гермиона на мгновение закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она позволила эмоциям, которые она испытывала, течь сквозь нее, и она признавала каждую из них, когда она позволяла им соскальзывать с ее плеч, как будто она сбрасывала груз. Наконец, она открыла глаза и увидела, что Минерва смотрит на нее с любопытным выражением лица.

— Это не твоя вина, Минерва. И не мое. Вина лежит на людях, которые сделали это с Гарри. Вина лежит на Дурслях и на Дамблдоре. Если вы считаете себя ответственным, то и я должен сделать это, поскольку я никогда не спрашивал его об этом, хотя у меня были подозрения. Виноватых много, но наша доля не самая большая.

— Я все еще чувствую себя ответственной, — ответила Минерва. — И я подозреваю, что так будет всегда. Однако не следует корить себя. Несмотря на то, что тебе пришлось очень быстро повзрослеть, ты была еще ребенком, Гермиона. Это взрослые в жизни Гарри подвели его. Его друзья были яркими пятнами. И, говоря о друзьях, я считаю, что Гарри может нуждаться в

друге прямо сейчас. Я уверен, вам не составит труда найти его? — добавила она с грустной улыбкой.

Гермиона восприняла это как сигнал и встала, чтобы уйти. Но прежде чем уйти, она перегнулась через стол и обняла своего друга и учителя.

— Не медлите простить себя, Минерва. Я уверен, что Гарри не возлагает ни на кого из нас даже отдаленной ответственности.

С этими последними словами утешения она повернулась и с опозданием последовала за своей подругой вниз по винтовой лестнице.

Рон Уизли лежал на кровати в своей комнате в «Норе», жалея себя. События последних недель глубоко затронули его, и он изо всех сил пытался смириться со всем, что произошло.

Он еще не до конца понял, что пошло не так. Он думал, что наконец добился того, чего хотел, когда Гермиона поцеловала его в кульминационный момент битвы за Хогвартс. У него всегда были сомнения; всегда чувствовал, что она предпочитает Гарри, и только когда Гарри и Джинни встретились в прошлом году, он, наконец, поверил, что у него есть шанс. Даже то, что Гарри и Гермиону бросили на охоте за хоркруксами, не имело значения. Хотя Гермиона была в ярости, ее реакция на него во время битвы наконец успокоила его. Наконец он победил; у него была девушка.

И в течение нескольких недель они оба, казалось, привыкали к своим новым отношениям, несмотря на проклятие Гермионы. Они оба были очень осторожны друг с другом, их физические отношения не выходили за рамки нескольких общих поцелуев. У него всегда было впечатление, что если он попытается позволить себе какую-либо вольность с Гермионой, то пожалеет об этом. Кроме; он слишком уважал ее, чтобы пытаться торопить события в этом отношении. У них было и то, и другое, хотя лучше не торопиться, чтобы приспособиться к своему новому статусу.

Он пытался и пытался поступать правильно; держаться рядом с Гермионой, как она всегда держалась рядом с ним и Гарри. Он прикусил язык и изо всех сил старался не спорить с ней; изо всех сил старался проявлять интерес к вещам, которые ей нравились, несмотря на то, что это казалось скучным. Учитывая его все, чтобы поддержать ее, когда она справится со своей ликантропией. Старался изо всех сил быть тем мужчиной, каким, как он знал, она хотела его видеть.

И этого все равно не хватало.

Он вспомнил ее слова, когда она покончила с ним.

«Пары должны делать друг друга счастливыми, не так ли? Ты правда думаешь, что мы делаем друг друга счастливыми?»

И он вспомнил свой собственный слабый ответ.

"Мы сделали, однажды."

Однажды, подумал он про себя. И это было до того, как мы стали парой.

Внезапно он вздрогнул от резкого стука в дверь своей спальни.

«Рон? Ты здесь, Рон? Могу ли я войти?»

Он узнал голос; это был Билл, и, взглянув на часы, он задумался, что его старший брат делает в это время в Норе.

Он должен быть на работе.

— Входите, Билл, — ответил он, садясь при этом. — Дверь открыта, — добавил он.

Билл Уизли вошел в комнату с легкой улыбкой на лице, которая быстро сменилась гримасой, когда он переступил порог.

— Черт возьми, Рон, — сказал он, доставая палочку из кармана. — Ты никогда не слышал о мыле? Здесь ужасно пахнет, — добавил он, произнося заклинание, которое освежило воздух в комнате, и быстро последовало второе заклинание, которое открыло окно.

Рон нахмурился. «Если ты просто хочешь меня оскорбить, ты можешь развернуться и снова уйти», — рявкнул он.

Билл вздохнул, решая, спорить или нет со своим младшим братом. Наконец он принял решение и сел на свободную кровать в комнате. Он помедлил, прежде чем заговорить.

— Мама рассказывала мне о вас с Гермионой, — тихо начал он. — Она попросила меня поговорить с тобой. Мне жаль, что это не сработало.

Рон поднял взгляд, ища насмешку в выражении лица Билла, но нашел только сочувствие и искренность в его пронзительных голубых глазах. Вспышка гнева, которую он первоначально почувствовал, была смягчена очевидной заботой Билла о нем.

'Что случилось?' — спросил Билл.

Рон посмотрел на свои руки и пожал плечами. — Не знаю, правда. Она только что сказала, что мы не делаем друг друга счастливыми, — пробормотал он.

— Она права, — ответил Билл после минутной паузы, и Рон снова почувствовал, как вспыхивает гнев.

'Ты тоже! Все принимают ее сторону в этом! — воскликнул он.

Лицо Билла окаменело. — Не глупи, Рон! Конечно, мы не принимаем ее сторону! Его голос смягчился. — Я просто имел в виду, что вы двое много спорите. Трудно сделать друг друга счастливыми, когда вы все время ссоритесь и оскорбляете друг друга». Он мог видеть, что его слова на самом деле не доходили до слушателей, поэтому он попробовал другой подход.

— Могу я поговорить с тобой откровенно, Рон? он спросил.

Рон поднял взгляд, пораженный вопросом. 'Полагаю, что так.'

— Почему ты хочешь, чтобы Гермиона была твоей девушкой?

Рон почувствовал себя так, будто его ударили в живот, настолько он был шокирован вопросом. Он чувствовал себя захваченным врасплох, полностью выбитым из равновесия.

— Разве это не очевидно? — пробормотал он.

— Честно говоря? Нет; это не так. Он сделал паузу на мгновение, прежде чем продолжить. — Я знаю, что вы с Гермионой близки. Я знаю, что вы через многое прошли вместе. Но реальность такова, Рон, что когда все успокоится; когда жизнь нормальна и на свободе нет сумасшедшего ублюдка, пытающегося убить вас и ваших друзей на каждом шагу, тогда вам действительно нужна прочная основа для отношений».

«У нас есть прочная основа! Мы лучшие друзья!

Билл грустно посмотрел на него. 'Ты серьезно? Можешь ли ты честно сказать это, Рон? Можете ли вы честно сказать, что у вас много общего? Что вы пробуждаете лучшее друг в друге? Что вам нравится ее интерес к знаниям и обучению, а она любит вас за вашу страсть к квиддичу? Что с ней можно говорить о чем угодно и интересоваться ее мнением; что она чувствует? Что вы принимаете ее такой, какая она есть, и никогда не пытаетесь ее изменить, и что она делает то же самое для вас? Никогда не пытается изменить тебя? Потому что это реальность. Это ключ к любым отношениям; принимать друг друга такими, какие вы оба есть, и любить друг друга за это». Билл на мгновение замолчал. — Я не сомневаюсь, что ты испытываешь к ней сильные чувства, Рон, и я не сомневаюсь, что она тоже испытывает сильные чувства к тебе. Он глубоко вздохнул, прежде чем выпалить последнюю бомбу. — Но ты должен спросить себя, что у тебя общего с ней, кроме Гарри, то есть, — многозначительно

добавил он.

Последнее замечание было слишком болезненным, чтобы успокоить Рона. Он хотел ответить, отрицать правду в словах Билла, но обнаружил, что не может. Дело в том, что он знал, что у них с Гермионой очень мало общего. Он прекрасно понимал, что если они оба не дружат с Гарри, то шансов, что они подружатся друг с другом, очень мало. Но, несмотря на это, он всегда верил, что любви будет достаточно; что их постоянные ссоры закончатся, и что они будут счастливы вместе и будут иметь отношения взаимной любви, уважения и понимания.

Такие отношения у Гермионы с Гарри.

Когда он подумал о Гарри, ему пришлось признать, что ему до сих пор стыдно за свое поведение, когда он в последний раз разговаривал с ним. Его друг не заслужил обвинений, которые он бросил в его адрес, и он задавался вопросом, хочет ли Гарри все еще видеть его; все еще хотел, чтобы он был его другом. Если быть честным с самим собой, главная причина, по которой он чувствовал себя таким несчастным, заключалась в том, что он зарылся в яму и был слишком горд, чтобы просить о помощи, чтобы выбраться.

Проще говоря, он скучал по своим друзьям.

Билл почувствовал, что его слова дошли до младшего брата, и поверил, что тот поступит правильно. Он встал, чтобы уйти, но прежде чем он ушел, у него было последнее сообщение, которое он хотел передать.

«Настоящая причина, по которой я пришел сегодня, в том, что МакГонагалл попросила меня об этом». Он подождал, пока Рон резко поднял взгляд, его удивление откровением было очевидным. — Завтра Гарри и Гермиона расследуют зацепку. МакГонагалл, кажется, думает, что им может понадобиться кто-то, кто кое-что знает о проклятиях и ловушках, поэтому она связалась со мной и попросила меня пойти с ними». Он посмотрел Рону прямо в глаза. «Она также спросила, могу ли я поговорить с вами, потому что она думает, что все работает лучше, когда вы трое вместе. Я склонен согласиться, так что дайте мне знать, если вы хотите пойти с нами, — добавил он.

Билл шагнул вперед и положил руку на плечо Рона, ободряюще сжав его, прежде чем повернуться и тихо выйти из комнаты.

Рон слышал, как его шаги удаляются вниз по лестнице, и глубоко вздохнул. Ему нужно было о многом подумать. В глубине души он подозревал, что главная причина, по которой он и Гермиона никогда не будут работать, заключалась в том, что у нее были чувства к Гарри, и он отвечал на эти чувства, несмотря на его «сестринский» комментарий в Лесу Дина. Ему пришло в голову, что тип отношений, который только что описал Билл, был именно таким, каким были Гарри и Гермиона друг с другом. Он также знал, что, вероятно, это был только вопрос времени, когда они осознают это и что-то с этим сделают.

Эта мысль очень беспокоила его. Уже достаточно того, что Гермиона бросила его; все было бы невыносимо, если бы у двух его лучших друзей завязались романтические отношения. Он знал, что решение, которое он принял, поехать с ними завтра, имело большее значение, чем казалось; что его будущие отношения с Гарри и Гермионой будут определяться тем, как он справится с этим нежелательным сдвигом в их динамике.

Так что, черт возьми, мне теперь делать?

Гарри Поттер резко отдернул рукоятку своего «Молнии», выполняя еще один высокий поворот виражом, прежде чем успокоиться в более спокойном темпе. Выйдя из кабинета директрисы, он решил отправиться на поле для квиддича, поскольку в прошлом ему часто помогали полеты, когда ему нужно было проветрить голову. Он провел последние пятнадцать минут в полете на высокой скорости, выполняя серию сложных маневров, но на этот раз он не находил удовольствия в полете и не мог отвлечься от собственных мыслей.

Он глубоко вздохнул, когда, наконец, смирился с неизбежным и приготовился встретиться лицом к лицу с другом, сидевшим на одной из высоких деревянных трибун, окружающих поле.

Гермиона.

Он почувствовал ее появление пять минут назад, но впервые повернулся, чтобы посмотреть на нее. Это было то, к чему он все еще изо всех сил пытался привыкнуть; что он мог чувствовать и узнавать других людей до того, как увидел их. Он знал, что это просто проявление его нового состояния, но он уже понял, что был особенно настроен на друга, который терпеливо ждал его на трибуне внизу.

Хотя он знал, что она была там в ту же секунду, как она прибыла, он продолжал свой высший пилотаж, пытаясь собраться с мыслями, прежде чем заговорить с ней. То, что он не заговорит с ней, конечно, не вариант. Он подумал о старой поговорке; можно бежать, но не спрятаться, и грустно улыбнулась.

Когда дело доходит до Гермионы, я не думаю, что смогу убежать или спрятаться.

Когда она узнала правду о его первом письме из Хогвартса; Узнав правду о своем воспитании у Дурслей, он испытал такое чувство стыда, что был вынужден бежать. За свою короткую жизнь он столкнулся со многими демонами, но не смог противостоять сочувствию Гермионы.

Ее жалость.

За последние несколько недель он понял кое-что очень глубокое о Гермионе. Он понял, что она была не просто самым важным человеком в его жизни; друг, который никогда не покидал его, несмотря на всю борьбу и трудности, которые они пережили. Она также была моделью; эталоном, по которому он будет измерять каждого возможного друга, каждого потенциального

любовника по мере развития своей жизни. Ему также пришло в голову, что невообразимо, что он когда-либо встретит кого-то, кто будет соответствовать ей и тому, что она для него значит, и эта истина его полностью устраивала.

Это было больше, чем просто влюбиться в нее; даже больше того, что просто влюблен в нее. Это было осознание и признание того, что Гермиона Грейнджер — это все, что ему когда-либо понадобится в жизни; что она дополнила его и предложила пристанище для его души, и что он примет любую роль в ее жизни, которую она хотела, чтобы он сыграл.

Именно по этим причинам он не хотел, чтобы она узнала правду о его воспитании. Он не хотел, чтобы Дурсли испортили их отношения, какую бы форму она ни предложила. В основном поэтому он никогда не говорил о своей семейной жизни. Для него Дурсли были подобны болезни, их злобное влияние заражало и портило все, с чем они соприкасались.

Он не хотел этого для Гермионы.

В конце концов он решил, что достаточно долго откладывал разговор. Он медленно приблизился к ней и заметил, что, хотя она мягко улыбнулась ему, в ее глазах была грусть. Но было и кое-что еще; ожидание и чувство обещания. Он чувствовал ее беспокойство, и когда он приблизился к ней, он был почти ошеломлен мириадами тонких ароматов, которые исходили от нее, каждый из которых означал эмоциональное смятение, которое испытывал его друг.

Тревога, нервозность, печаль, волнение, вина, гнев ... все это было здесь, и каким-то образом он смог распознать каждое из них, несмотря на противоречивые сообщения, которые он получал. Ему пришло в голову, что она тоже сможет читать его, возможно, с большей точностью, и это знание утешило его, поскольку он понял, что предстоящий разговор будет легче благодаря новым способностям, которыми они делились.

Нет смысла что-то скрывать. Она узнает. Он улыбнулся. Она и так всегда знала. Ей никогда не нужно было быть оборотнем, чтобы читать меня.

Наконец добравшись до трибуны, он слез с метлы и сел рядом с ней, близко, но не касаясь. Некоторое время они сидели в дружеской тишине, прежде чем Гермиона протянула руку и протянула ему руку. После минутного колебания он взял его.

— Я должна была знать, — сказала Гермиона мягким голосом. Гарри помедлил несколько секунд, прежде чем ответить.

'Почему? Почему ты должен был знать? Я никогда не говорил об этом. Я никогда не хотел, чтобы ты знал.

— Потому что я твой друг, Гарри. Я должен быть твоим лучшим другом. В ее тоне была нотка страдания, и он почувствовал внезапный прилив гнева к Дурслям; ярость, что их действия должны причинить ей такое горе. А теперь они расстроили Гермиону! — подумал он, теперь

пылая яростью на своих родственников за то, что они причинили ей боль.

Внезапно он понял, что Гермиона почувствовала эту ярость, потому что она резко повернулась к нему лицом, с умоляющим выражением лица, когда она крепко сжала его руку.

— О, пожалуйста, прости меня, Гарри! Я понимаю, почему ты злишься на меня, и мне очень, очень жаль, но не мог бы ты...

Ее мольбы резко оборвались, когда он нежно приложил указательный палец к ее губам.

«Шшшш. Все в порядке, Гермиона. Это действительно так. Я не сержусь на тебя. Нечего прощать. Он медленно опустил палец и взял ее правую руку в свои обе, шаркая по скамейке, чтобы быть ближе к ней, так что их лица были всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Я не сержусь на тебя. — повторил он. — Я действительно нет. Он облизнул губы, размышляя, как продолжить. «Я зол на Дурслей. Злиться на них за то, что они заставили вас думать, что это как-то по вашей вине. Он вздохнул и слегка отвернулся. — Правда в том, Гермиона, что раньше я винил себя за то, как они обращались со мной. Я подумал, что это должно быть что-то, что я делаю неправильно. Только когда я добрался до Хогwartса, я понял, что они были уродами; что то, как они обращались со мной, было неправильным; не было нормальным». Он сделал паузу на несколько мгновений, а когда снова заговорил, его тон стал жестче.

«Я наконец понял, что это была их вина. Что не было оправдания тому, как они обращались со мной. Что они были не правы. Вот почему я никогда не говорил об этом. Они причинили достаточно вреда на Тисовой улице; Я не хотел, чтобы они портили вещи и в Хогwartсе. Не хотел, чтобы они повлияли на моих друзей.

Гермиона нежно сжала его руку. «Я все равно должен был что-то сказать; сделал что-то. Я знал, что дела там не очень хороши, но для того, чтобы они заперли тебя в чулане? На сколько долго? Что еще они сделали? Скажи мне, пожалуйста?»

Он покачал головой. — Ты не мог знать. Я не хотел об этом говорить. Когда я был с тобой и Роном, я всегда был счастлив. Ну, во всяком случае, с тобой, — добавил он, подумав. «Я не хотел разрушить это. Я не хотел давать им такую власть над моей жизнью в Хогwartсе. Держа это в себе, я никогда не позволял им загрязнять мою жизнь здесь. Чтобы заразить вас, — добавил он. — Может быть, когда-нибудь, Гермиона, я все тебе расскажу. Но не сегодня. Надеюсь, вы понимаете? — спросил он, ища ее понимания.

Со своей стороны, Гермиона чувствовала, как его настроение менялось от раскаленной до белого каления ярости до мягкого примирения. Она без сомнения знала, что он говорил правду, и по его словам, поступкам и эмоциональному состоянию она могла сказать, что он был с ней предельно честен. Она также могла сказать, что он все еще питал чувство стыда и вины, и она чувствовала такое непреодолимое чувство любви к нему в тот момент, что могла плакать. Она нежно положила левую руку ему под подбородок и медленно повернула его голову так,

чтобы он оказался лицом к ней, терпеливо ожидая, когда он, наконец, поднимет глаза и посмотрит на нее.

— Конечно, я понимаю, — наконец тихо ответила она. «Просто я так забочусь о тебе, Гарри, так сильно люблю тебя...» Она на мгновение запнулась под его взглядом и обнаружила, что теряется в его ярких зеленых глазах, ее горло сжалось, когда ее мир сгустился до сидящего мужчины. всего в нескольких дюймах от нее, его горячее дыхание обжигало ее щеку, его запах подавлял ее.

Гермиона никогда не узнает — а в будущем часто будет гадать, — что изменилось для них в тот момент. Она размышляла над тем, произошло ли это из-за их повышенного понимания друг друга или из-за их огромной потребности быть рядом друг с другом. Возможно, размышляла она, это было просто взаимное, подсознательное признание того, что после всего, что они разделили вместе, ни один из них никогда не сможет быть ближе в уме и духе к кому-либо еще, кого они могут встретить в своей жизни.

Что бы это ни было, в этот конкретный момент что-то изменилось в них обоих, и она могла видеть узнавание в его глазах при этой перемене; признание, которое она знала, было отражено в ее собственном лице. Признание того, что их отношения находились на перепутье; что следующий шаг, который они предпримут, изменит их навсегда.

Было также взаимное осознание того, что каждый может доверять другому сердцем и жизнью.

Их головы неумолимо приближались друг к другу, ища и получая разрешение взглядом, и когда их губы, наконец, встретились в самом мягком столкновении, они завершили этот переход своего личного Рубикона.

Земля не двигалась. Не было ни большого крещендо, ни ослепляющей вспышки света. Вместо этого было утешение, знакомство, чувство полной и абсолютной принадлежности, которых она никогда не испытывала в своей жизни. Через некоторое время они расстались, и, глядя на него, она инстинктивно знала, что он тоже чувствует то же самое; что нежность их поцелуя только подтвердила то, что они оба уже узнали; подтвердили, что каждый принадлежит другому. Они обменялись короткими, застенчивыми улыбками, прежде чем наклониться вперед, их губы снова встретились.

На этот раз все было иначе. Когда Гермиона растворилась в поцелуе, она поймала себя на том, что проводит пальцами по его волосам, чувствуя, как его присутствие полностью окутывает ее, настолько сильно, что она не ощущала ничего, кроме его ощущения; его запах; всеохватывающее тепло его страсти и его любви, и она отдалась моменту.

Каким-то образом поцелуй стал глубже, и на этот раз она действительно почувствовала, как ее мир сдвинулся, и, несмотря на почти полную потерю рассудка, она с уверенностью осознала, что никто никогда не заставлял ее чувствовать себя так; никто никогда не мог заставить ее чувствовать себя так, как Гарри.

После того, что казалось вечностью, их губы наконец разошлись, и она наклонилась к нему, задыхаясь и осознавая, что он испытывает те же уровни страсти, желания и любви, что и она. Им обоим потребовалось несколько мгновений, чтобы восстановить самообладание, прежде чем она откинулась назад, чтобы посмотреть на него, увидеть отражение своей любви в его глазах.

— Вау, — тихо сказал он, и она поймала себя на том, что хихикает, как школьница, от его реакции. Они разделили короткий момент веселья, прежде чем она снова стала серьезной и посмотрела прямо на него.

— Ты по-прежнему мой лучший друг, Гарри, что бы ни случилось. Я надеюсь, что так будет всегда».

Он улыбнулся ее словам, и его лицо, казалось, излучало счастье. Он притянул ее к себе и обнял ее, прижавшись губами к ее уху, и она услышала его обещание, данное ей прерывистым шепотом.

— Я твой, Гермиона, всегда твой. В любом случае вы получите меня. Всегда ваш. '

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539901>